

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ REGIONAL HISTORY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.200-215><https://elibrary.ru/oswsrr>

УДК / UDC 94:355.404.51(480)

Оригинальная статья / Original article

«Контрабандисты» или «крестьяне-собратья»: социальная репрезентация карельских коробейников на территории Великого княжества Финляндского

И. С. Нестерова

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Российская Федерация,*<https://ror.org/0176aa147>ines@petrsu.ru

Аннотация

Введение. Разносная торговля (коробейничество) в российско-финляндском приграничье существовала веками. Карельские крестьяне находили в этом виде промысла дополнительный источник дохода, население Финляндии – удобство, связанное с организацией торговой деятельности. Значение промысла для населения, живущего по обе стороны границы, подтверждается тем, что торговые операции не прекращались даже в период войн. Приграничное население жило по собственным законам, распоряжения властей, носившие ограничительный и запретительный характер, не оказывали какого-либо значительного влияния на традиции ведения промысла. Наибольшее значение коробейническая торговля как вид отхожего промысла имела для жителей Ухтинской и Вокнаволоцкой волостей Кемского уезда Архангельской губернии, населенных преимущественно карельским населением. Хронологические рамки работы охватывают вторую половину XIX – начало XX в. К настоящему времени в отечественной историографии не имеется комплексной работы, посвященной роли карельских торговцев на территории Великого княжества Финляндского. Цель исследования – определение социальной роли карельских коробейников и выявлении особенностей восприятия их деятельности властями и местным населением Финляндии.

Материалы и методы. Исследование базируется на зарубежных архивных документах, ранее не задействованных в научных работах, а также на материалах периодической печати. Незданные источники включают материалы фонда Канцелярии генерал-губернатора Великого княжества Финляндского, хранящиеся в Национальном архиве Финляндии (г. Хельсинки). Документы содержат переписку генерал-губернатора с Министерством внутренних дел, Императорским финляндским Сенатом и другими губернаторами. В официальных бумагах зачастую встречается термин «русские торговцы», который, вероятно, использовался для обозначения принадлежности карельских крестьян к Российской империи. Среди опубликованных материалов выделяются статьи «Финляндской газеты», выходившей в Гельсингфорсе с 1900 по 1917 г. В процессе исследования применялись как общенаучные методы (анализ, обобщение, систематизация), так и специальные исторические подходы (историко-генетический, историко-сравнительный), что позволило выявить общие тенденции восприятия карельских коробейников в финляндском обществе.

Результаты исследования и их обсуждение. В результате исследования выявлены тенденции отношения финляндского общества к карельским торговцам. Финляндские власти (в том числе ленсманьяны – полицейские чины в сельских местностях) сохраняли резко негативное отношение к карельским коробейникам. Изначально сельские торговцы Финляндии поддерживали коробейническую торговлю: разносчики были главным источником поставок для их лавок, однако со временем, по мере расширения собственной торговли и развития промышленности, владельцы магазинов стали видеть в бродячих торговцах конкурентов. Отношение большинства сельского населения к карельским торговцам оставалось стабильно благожелательным: вековая торговля способствовала прочным связям между крестьянами и коробейниками. На рубеже веков наблюдался кратковременный всплеск ограничений:

© Нестерова И. С., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

на сельских сходах принимали положения, запрещавшие торговлю с разносчиками, предоставление им пищи и ночлега, а безземельным торпарям под угрозой лишения торпы запрещалось даже разговаривать с коробейниками. Эта ситуация была связана с политическими мерами по ограничению автономии Финляндии и слухами о переделе земли, введении русского языка, законов, школы и церкви. При этом в притеснениях участвовала лишь незначительная часть общества.

Заключение. Несмотря на гонения, преследования торговцев, развернувшиеся в крае на рубеже XIX–XX вв., коробейничество как традиционный промысел беломорских карелов не потеряло своего значения, а в период Первой мировой войны и вовсе широко распространилось. В конце 1880-х гг. отмечалось некоторое снижение активности карельских коробейников в Великом княжестве Финляндском, что было связано с развитием промышленности в крае и расширением торговой сети. Однако торговцы сумели достаточно быстро найти выход из сложившегося положения, занявшись закупкой товаров в магазинах и лавках сельских торговцев и разнося товар по деревням. Некоторые наиболее удачливые карельские торговцы смогли осесть в Финляндии и основать здесь собственные торговые заведения. Настоящее исследование способствует расширению и углублению теоретических знаний в истории вопроса в результате привлечения ранее не используемых в научном обороте архивных материалов.

Ключевые слова: коробейники, ленсманы, финское сельское население, разносная торговля

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Нестерова И.С. «Контрабандисты» или «крестьяне-собратья»: социальная репрезентация карельских коробейников на территории Великого княжества Финляндского. *Финно-угорский мир.* 2026;18(2):200–215. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.200-215>

“Contrabandists” or “Peasants-Brethren”: Karelian Peddlers in the Grand Duchy of Finland

I. S. Nesterova

*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russian Federation,
<https://ror.org/0176aa147>
ines@petrsu.ru*

Abstract

Introduction. Peddling in the Russian-Finnish borderlands has existed for centuries. Karelian peasants found an additional source of income in this type of trade, while the Finnish population appreciated the convenience associated with organizing trade activities. The importance of trade for the population on both sides of the border is evident from the fact that trade operations continued even during periods of war. The border population lived according to their own laws, and the restrictions and prohibitions imposed by the authorities did not significantly impact their trade traditions. The most important form of itinerant trade was carried out by the residents of the Uhtinskaya and Voknavolotskaya volosts of the Kem district of the Arkhangelsk province, which were predominantly inhabited by Karelian people. The chronological scope of this study covers the second half of the 19th century and the early 20th century. To date, there has been no comprehensive study in Russian historiography on the role of Karelian traders in the Grand Duchy of Finland. The purpose of this study is to determine the social role of Karelian traders and to identify the specific ways in which their activities were perceived by the Finnish authorities and local population.

Materials and Methods. The research is based on foreign archival documents that were not previously involved in scientific work, as well as periodical press materials. Unpublished sources include materials from the Foundation of the Office of the Governor-General of the Grand Duchy of Finland, stored in the National Archives of Finland (Helsinki). The documents contain correspondence between the Governor-General and the Ministry of the Interior, the Imperial Finnish Senate and other governors. The term “Russian merchants” is often found in official papers, which was probably used to denote the affiliation of Karelian peasants to the Russian Empire. Among the published materials, the articles of the Finnish Newspaper, which was published in Helsingfors from 1900 to 1917, stand out. The study used both general scientific methods (analysis, generalization, and systematization) and specific historical approaches (historical-genetic and historical-comparative), which allowed for the identification of general trends in the perception of Karelian peddlers in Finnish society.

Results and Discussion. As a result of the study, the attitude of Finnish society towards Karelian traders was revealed. The Finnish authorities (including the lansman, a police officer in rural areas) maintained a strongly negative attitude towards Karelian peddlers. Initially, Finnish rural merchants supported the peddler trade, as peddlers were the primary source of supply for their shops. However, as their own trade expanded and industry developed, shopkeepers began to view peddlers as competitors. The attitude of the majority of the rural population towards the Karelian traders remained consistently benevolent: centuries-old trade had contributed to strong ties between the peasants and the peddlers. At the turn of the century, there was a brief

surge of restrictions: village assemblies adopted regulations prohibiting trade with peddlers, providing them with food and lodging, and landless peasants were forbidden to even speak with peddlers, under the threat of losing their land. This situation was related to political measures to limit Finland's autonomy and rumors about the redistribution of land, the introduction of the Russian language, laws, schools, and churches. However, only a small portion of society participated in the oppression.

Conclusion. Despite the persecution and harassment of merchants that took place in the region at the turn of the 19th and 20th centuries, the traditional trade of the White Sea Karelians, known as korobeynichestvo, did not lose its significance, and during the First World War, it became widespread. In the late 1880s, there was a slight decline in the activity of Karelian korobeyniki in the Grand Duchy of Finland, which was attributed to the development of industry in the region and the expansion of the trade network. However, the merchants were able to quickly find a way out of the situation by purchasing goods from the shops and stalls of the rural merchants and distributing them to the villages. Some of the more successful Karelian merchants were able to settle in Finland and establish their own trading establishments. This research contributes to the expansion and deepening of theoretical knowledge about the history of the issue by utilizing previously unused archival materials.

Keywords: peddlers, landowners, Finnish rural population, itinerant trade

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Nesterova I.S. "Contrabandists" or "Peasants-Brethren": Karelian Peddlers in the Grand Duchy of Finland. *Finno-Ugric World*. 2026;18(2):200–215. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.200-215>

Введение

Разносная торговля на территории Великого княжества Финляндского служила основным традиционным промыслом приграничного населения Беломорской Карелии. Широкий рынок сбыта мелочных товаров коробейники нашли в лице финского сельского населения, для которого этот вид торговли был весьма привлекательным. Необходимый в быту товар доставлялся прямо на дом, исключая необходимость поездок в города, зачастую предлагался в обмен на другие предметы торговли (прежде всего пушнину), а иногда продавался в кредит. Несмотря на то что разносная торговля на территории Финляндии была законодательно запрещена, карельские коробейники ежегодно отправлялись на промысел, являвшийся для них основным, а иногда и единственным источником дохода. Кроме того, коробейническая торговля выполняла своего рода логистическую функцию, позволяя связывать между собой удаленные, географически изолированные районы Российской империи с более крупными торговыми местами. Отношение властей к карельским коробейникам отражало общую политику в сфере торговли, оказавшую влияние, например, на формирование и эволюцию торгового законодательства. Изучение заявленной темы способствует сохранению памяти о традициях, быте и социальных практиках прошлых лет. Цель исследования – анализ восприятия карельских торговцев финскими властями и местным населением, выявление причин двойственного отношения к ним.

Обзор литературы

Специальных исследований, посвященных изучению темы восприятия карельских коробейников как социальной группы представителями финляндского общества, нет ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

В качестве основных исследований, посвященных истории разносной торговли на территории Великого княжества Финляндского в целом, следует отметить ряд исследований отечественных авторов¹. Работы Г. А. Нефедовой посвящены характеристике хозяйственного уклада и экономического положения карельской деревни в пореформенные десятилетия, особенностью которых была взаимосвязь сельского

¹ Лайдинен А.П. Социально-экономические реформы 50–70-х годов XIX века в Финляндии. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние; 1982. 110 с.; Карелы Карельской АССР. Петрозаводск: Карелия; 1983. 288 с.; Дубровская Е.Ю. Социально-экономическое положение карельских уездов в конце XIX – начале XX в. Петрозаводск: КФ АН СССР; 1989. 24 с.

хозяйства и промысловой деятельности населения². По наблюдениям Н. А. Кораблева, возникновение и развитие разносного промысла на территории Финляндии было обусловлено относительной неразвитостью торговой сети в Великом княжестве³ [1]. Важную роль в установлении контактов приграничного населения играла языковая и этнокультурная близость северных карелов и финнов.

Коробейничество стало одним из исследовательских аспектов приграничного сотрудничества карельского и финского населения в работах Д. В. Базегского⁴. Из новейших исследований, посвященных изучению состояния пограничной и таможенной охраны границы с Финляндией в пределах Архангельской и Олонецкой губерний, развитию контрабандного промысла в приграничье, выделяется монография К. М. Агамирзоева⁵.

В финской историографии Е. Пихкала и Т. Мауранен занимались изучением официальной статистики о количестве торговцев-разносчиков в Финляндии⁶. М. Наакка-Корхонен, автор монографии о торговцах-разносчиках, наряду с анализом промысловой деятельности жителей Беломорской Карелии изучал организацию торговой деятельности карельских коробейников, правила и традиции ведения торговли, пути и маршруты передвижения торговцев, рассматривая при этом вопрос о взаимоотношении последних с сельским населением Финляндии⁷. Вопросы о маршрутах передвижения коробейников, ассортименте предлагаемых к продаже товаров и правилах ведения торговли стали предметом исследования Х. Хейнянена⁸. Из новейших зарубежных изданий, посвященных истории развития коробейнической торговли на территории Финляндии, выделяется также монография П. Невалайнена [2]. Кроме того, отдельно стоит выделить работы [3], касающиеся изучения социальной и экономической истории стран Северной Европы, ставшие результатом широкого междисциплинарного исследования темы мелочной торговли. Целый ряд статей, опубликованных в серийном издании «*Karjalan heimo*» в 1990–2020-х гг. [4–6], отражает судьбы карельских коробейников, занимавшихся на территории соседней Финляндии разносной, а затем и стационарной торговлей⁹ [7; 8].

² Нефедова Г.А. Важнейшие промыслы карельских крестьян в пореформенный период (1862–1905 гг.). *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 1957;6(1):74–87; Нефедова Г.А. Краткая характеристика сельского хозяйства и расслоения карельской деревни во второй половине XIX века. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 1957;7(1):27–40; Нефедова Г.А. Торговля Карелии после отмены крепостного права в России. *Ученые записки Карельского педагогического института*. 1960;9:27–33.

³ Кораблев Н.А. К истории развития неземледельческого отхода в Карелии в пореформенный период. В: Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводский гос. ун-т, 1988. С. 61–68; Кораблев Н.А. Экономическое развитие Беломорской Карелии в пореформенный период XIX века. В: Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН; 2000. С. 51–60.

⁴ Базегский Д.В. Законодательство России и Финляндии о карельском коробейничестве в XIX – начале XX в. В: Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводский гос. ун-т, 1993. С. 43–51; Базегский Д.В. Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX – начале XX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Петрозаводск; 1998. 173 с.

⁵ Агамирзоев К.М. Обнаженная граница. Очерки о борьбе с контрабандой в Карелии в XVII – начале XX веков: исторический очерк. Костомукша: Костомукша-Медиа; 2021. 79 с.

⁶ Pihkala E. Suomen Venäjän-kauppa vuosina 1860–1917. Helsinki; 1970. 261 s.; Pihkala E. Suomen Venäjän-kauppa puitteet autonomian ajan jälkipuoliskolla. B: Historiallinen arkisto. 65. Loviisa; 1971. S. 5–85; Mauranen T. Kauppa ja liikenne. B: Suomen taloushistoria. I. Helsinki; 1980. S. 436–450; Mauranen T. Porvarista kauppiaksi: kauppiaan yhteiskunnallinen jälkipuoliskolla. B: Historiallinen arkisto. Helsinki; 1981. S. 185–212.

⁷ Nakka-Korhonen M. Halpa hinta, pitkä mitta. Vienankarjalainen laukkukauppa. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura; 1988. 294 s.

⁸ Heinänen H. Kainuun laukkukauppa autonomian ajan lopulla. B: Rihma-aineksia. Kajaani; 1999. S. 13–18; Heinänen H. Laukkukauppa Kainuun rajaseutukunnissa 1880–1918. B: Rohkea, reima ja horjumaton. Scripta Historica XXVII. Oulu; 1998. S. 173–186.

⁹ Hämynen T. Rajako railona aukeaa? *Karjalan heimo*. 1997;(5–6):69–71; Kauhanen J. Kestinkiläisiä kauppiamiehiä. *Karjalan heimo*. 1997;(9–10):153–156; Ranta R. Vienan kauppayhteydet Suomeen. *Karjalan heimo*. 1994;(5–6):90–92; Ranta R. SV. Neljä vuosikymmentä laukkukauppiaina Keski-Suomessa. *Karjalan heimo*. 1990;(3–4):41–42; Heinänen H. Vienalaista kaupankäyntiä Pohjois-Suomessa autonomian ajan lopulla. *Karjalan heimo*. 2002;(5–6):71–73; Vuoristo S. Vienan ja Aunuksen miehiä kauppiaina Keski-Suomessa. *Karjalan heimo*. 1990;(3–4):36–40.

Отдельно следует упомянуть исследование В. Расила, посвященное изучению торпарского вопроса, в контексте которого автором затрагиваются проблемы взаимоотношений местного финского населения с карельскими коробейниками¹⁰. Враждебное отношение к карельским торговцам в начале XX столетия было связано с распространением слухов о предстоящем переделе земли и введении русских законов в крае. Исследователь А. П. Лайдинен, соглашаясь с позицией В. Расила, подчеркивает, что карельские коробейники утешали своих гостеприимных хозяев, предоставлявших им приют и ночлег, слухами о скором превращении их в самостоятельных хозяев, владельцев собственных земель¹¹.

Материалы и методы

Статья подготовлена на основе зарубежных архивных источников, впервые вводимых в научный оборот, а также материалах периодической печати. Неопубликованные источники представлены делами фонда Канцелярии генерал-губернатора Великого княжества Финляндского (Kenraalikuvernöörinkanslia – ККК), хранящимися в Национальном архиве Финляндии (Kansallisarkisto – КА). Корпус источников представляет собой переписку генерал-губернатора Финляндии с Министерством внутренних дел, Императорским финляндским Сенатом, губернаторами Финляндии. Опубликованные материалы периодической печати представлены статьями «Финляндской газеты», издававшейся в период с 1900 по 1917 г. в Гельсингфорсе. Главная задача русскоязычного печатного органа заключалась в том, чтобы способствовать сближению финского и русского народов. История развития коробейничества подавалась в публикациях газеты как веками существовавший промысел, жизнеспособность которого обеспечивалась в том числе доброжелательным отношением сельского населения к карельским торговцам.

В ходе изучения темы исследования использовались общенаучные (анализ, обобщение, систематизация), специальные исторические методы. Так, применение историко-системного метода направлено на изучение механизмов коробейнической торговли, выявление особенностей и специфики промысла для населения карельских волостей; использование историко-генетического метода позволило проследить трансформацию отношения представителей финляндского общества к карельским коробейникам; историко-сравнительный метод нацелен на выявление формирования причин и закономерностей двойственного отношения к карельским коробейникам со стороны властей и крестьянского населения Финляндии.

Результаты исследования и их обсуждение

Во второй половине XIX – начале XX в. Беломорская Карелия представляла собой глухой, изолированный край, лишенный дорожного сообщения. Земледелие никогда не служило здесь основой экономического благосостояния: по причине сурового климата оно было развито крайне слабо и имело скорее второстепенное значение, являясь своего рода подспорьем отхожим промыслам. Одна морозная ночь накануне жатвы урожая могла лишить земледельца всех его трудов, поэтому зачастую, во избежание потери посадок от заморозков, хлеб с корня снимали недозревшим и оставляли доходить в снопах, развешанных колосьями вниз¹². Неурожаи бывали настолько сильны, что лишали карел даже семян, потраченных на посев.

¹⁰ Rasila V. Suomen torparikysymys vuoteen 1909. Historiallisia tutkimuksia. LIX. Kajaani; 1961. 493 s.

¹¹ Лайдинен А.П. Торпарский вопрос в Финляндии во второй половине XIX века. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН; 1992. 204 с.

¹² Камкин Н. Архангельские корелы. Этнографический очерк. *Древняя и новая Россия*. 1880;(16):297–298; Статистический обзор Архангельской губернии за 1905 год. В: Памятная книжка Архангельской губернии на 1907 г. Архангельск; 1907. Паг. 3. С. 7.

Господствовавшая в российских селениях система землепользования, предполагавшая периодические (через 10–15 лет) переделы земли, также служила причиной слабого развития дел в сельском хозяйстве. По большей части отношение карельских крестьян основывалось на представлении «кто же захочет вкладывать свои силы и средства в землю, если не знаешь, в чье распоряжение она вдруг попадет»¹³. Для обеспечения своего существования крестьяне были вынуждены искать источники дополнительного заработка на стороне.

Распространение получила трехпольная система земледелия: после пара сеяли ячмень (жито), а затем рожь. Посев ярового хлеба производили с 25 апреля до 15 мая, озимого – с начала июля до 15 августа. Из овощей выращивали брюкву, лук, репу и в незначительном количестве картофель. Неплохой поддержкой для карельских семей служили дары леса: ягоды (брусника, клюква, вороника, черника, морошка) и грибы (волнухи и грузди)¹⁴. Средним преобладающим показателем урожая по волостям и обществам Кемского уезда для яровых хлебов был сам-3; для озимых – сам-4. В урожайные годы своего хлеба жителям Беломорской Карелии хватало на 3–4 месяца, а зачастую – лишь на 1,5–2,5 месяца в году. В остальное время хлеб вынуждены были приобретать по весьма дорогой цене – от 1 руб. 20 коп. до 2 руб. 20 коп. за пуд, при этом перевозка его из Кеми в зимнее время обходилась от 35 до 70 коп. за пуд¹⁵.

Хлебопашество для архангельских карелов являлось возможным лишь в силу применения подсечной (нивной) системы земледелия. Ниву использовали только единожды, на второй год хлеб на ней не родился; на старые подсечные места возвращались через 15, 20, 30 лет. Особой инструкцией, изданной 15 октября 1869 г.¹⁶, закладка подсек запрещалась. Древесина к этому моменту стала важным источником экспорта. В особом положении оказались лишь крестьяне Кемского уезда, которым ввиду малоземелья разрешались расчистки под постоянную пашню и сенокос в размере 15 десятин на душу с правом пользования без уплаты оброка в течение 40 лет. Однако население уезда практически не пользовалось предоставленной льготой в связи с ограниченностью рабочих рук, нехваткой удобрений, отсутствием удобных мест под расчистки вблизи территории проживания, а также ограничительным сроком использования [9]. На наш взгляд, наиболее вероятной причиной отсутствия интереса к занятию подсечным земледелием представляется уже сложившаяся и прочно устоявшаяся к этому времени традиция отходничества.

Мелочные торговцы, обеспечивавшие существование своих семей с помощью разносной торговли, были весьма ярким явлением второй половины XIX в. и рубежа веков. Наряду с экономической составляющей, деятельность карельских коробейников приобретала черты политического и идеологического влияния. С одной стороны, политизация коробейников была связана с идеей ослабления обособленного положения Великого княжества Финляндского, с другой – не менее значимой была политизация коробейников, связанная с движением карелианства, со становлением национальной идентичности финнов, со стремлением расширить

¹³ Эрvasti А.В. Воспоминания о путешествии по Русской Карелии летом 1879 года. Петрозаводск: Периодика; 2022. С. 95.

¹⁴ Обзор Архангельской губернии за 1871 год. Архангельск: Губерн. тип.; 1872. С. 30; Чубинский П.П. Статистическо-этнографический очерк Корелы. В: Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1865 г. Кн. 2. Архангельск; 1886. С. 75–78; Пошман А.П. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении, с полезными на все оные части замечаниями. Т. 1. Архангельск: Губерн. тип.; 1866. С. 167–168.

¹⁵ Kansallisarkisto (далее – КА). Kenraalikuvernöörinkanslia (далее – ККК). Фа 1798/15V. О коробейниках. С. 37–38; Камкин Н. Архангельские корелы. Этнографический очерк. *Древняя и новая Россия*. 1880;(2):297–298; Н.К. [Камкин Н.] Из Кемского уезда. *Труды Вольного экономического общества*. 1875;3:448; Карелы Карельской АССР. Петрозаводск: Карелия; 1983. С. 57.

¹⁶ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XLIV. Отделение 2. 1869. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии; 1873. С. 123. № 47514.

территорию Великого княжества в составе Российской империи на Беломорскую Карелию. И в том и в другом случае карельские торговцы могли бы рассчитывать на приобретение торговых прав в Финляндии.

Карелианизм зародился в первой половине XIX в. как культурное течение в русле национального романтизма, связанное с поисками национальной идентичности и истоков собственной культуры. Он нашел выражение в публикации Э. Леннротом эпического эпоса «Калевала». Карелианизм – течение, вызванное особым интересом к истории, культуре, традициям и обычаям Карелии; к концу столетия он обрел политический, национально-идеологический оттенок. Основная его идея заключалась в общем происхождении и близком родстве карельского и финского народов. Одним из важнейших этапов развития этого направления стало появление своего рода визуализированного образа карелов, представленного в фотографиях финского путешественника, писателя и журналиста И. К. Инха «В краю калевальских песен» (рисунок).

Р и с у н о к. Карельские корабейники
F i g u r e. Karelian peddlers

Источник: Инха И.К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии. Петрозаводск: Периодика; 2019. 464 с.

Source: Inkha I.K. [In the Land of Kalevala Songs: Lönnrot's Path through White Sea Karelia]. Petrozavodsk; 2019. 464 p.

В политическом аспекте развитие карелианизма оказалось связано с идеей «Великой Финляндии», идеей присоединения к Финляндии территории Беломорской Карелии как братского региона с общими историческими событиями и культурными традициями. В этом отношении большое влияние на своих бывших соотечественников оказывали торговцы, которые сумели обосноваться в Финляндии, вести там торговые дела. Они верили, что экономическое и духовное развитие Беломорской Карелии возможно только в составе Финляндии.

Для жителей приграничных волостей Кемского уезда основным видом промысла, а зачастую единственным источником дохода и решающим фактором развития экономики региона, являлась разносная торговля на территории Финляндии. Преимущественное значение в ассортименте имели товары для женщин: кружева и ленты, иглы,

пуговицы, наперстки, крючки для вязания, нитки и ножницы. Товары для мужчин были представлены рыболовными крючками, курительными трубками и табаком. Главной статьёй продаж в Финляндии являлись ткани. Для сельского населения Финляндии такой вид торговли был довольно удобен, товары можно было приобрести прямо дома, не совершая поездки на дальние расстояния¹⁷.

Сумки коробейников, предназначенные для переноски товаров, чаще всего изготавливались из коровьей кожи для предотвращения намокания и порчи товара. Для удобства переноски на спине снабжались лямками и таким образом приобретали вид рюкзака. Вероятно, именно отсюда и пошло название «реппюри» или «реппурюсса» (*reppuryssa*, *reppi* – рюкзак), буквально означающее «русские рюкзаки»¹⁸. Другая разновидность названия карельских коробейников – «лауккюрюсса» (*laukkuryssä*, *laukku* – сумка), при этом обозначалась их принадлежность к православной религии и использование карельского языка¹⁹. Коробейники образовывали своего рода торговые союзы, среди которых можно выделить три типа. Первый представлял собой объединение купца, выступавшего поставщиком товаров, и нескольких его работников, являвшихся разносчиками. Другой тип союза, наиболее распространенный, являлся объединением менее состоятельных, но самостоятельных торговцев, ведущих дело на собственные средства. Третьим типом была форма кооператива, каждый член которого вносил некоторую денежную сумму в общую кассу, но и получал прибыль, соответствующую сделанным инвестициям²⁰. Товар для продажи приобретался на крупнейших ярмарках Архангельской губернии, а чаще всего – в Петербурге или Москве, затем распределялся между торговцами, которые отправлялись в путь с котомкой за плечами. Участники заранее договаривались о времени и месте сбора для подведения итогов торговой деятельности, распределения доходов и получения новой партии товара для продажи.

Процветанию коробейничества способствовало отсутствие таможенной охраны на границе. Таможни располагались только на берегу Белого моря и Ботнического залива. Вся пограничная территория представляла собой широкую возможность для ведения контрабандной торговли. Доставлять приобретенные товары для оплаты их пошлиной в таможенные учреждения, находящиеся за сотни верст, крестьяне не спешили²¹. Этническая и языковая близость также способствовали развитию промысла. Те, кто ходил в Финляндию, финский язык знали «не хуже своего»²² [1]. Немаловажной причиной развития коробейничества можно считать силу традиции промысла, передававшегося из поколения в поколение.

Законодательно разносная торговля на территории Великого княжества Финляндского была запрещена еще Уложением Швеции 1734 г., однако карельские волостные правления выдавали крестьянам паспорта, на основании которых торговля разрешалась на всей территории Российской империи. Великое княжество, являвшееся ее частью, вероятно, не было исключением в глазах карельских волостных чинов. Сами торговцы воспринимали Финляндию как «новую окраину святой Руси»²³. Издаваемые российским императором и финляндскими властями ограничения и запреты на ведение торговой деятельности карельскими коробейниками в пределах Финляндии большого значения не имели. Порой население приграничных волостей только этим промыслом и могло обеспечить свое существование.

¹⁷ Hämynen T. Rajako railona aukeaa? *Karjalan heimo*. 1997;(5–6):69–71. S. 69.

¹⁸ Тароева Р.Ф. Средства и способы передвижения у карел в дореволюционное время (конец XIX – начало XX в.). В: Труды Карельского филиала академии наук СССР. Вып. XXII. 1959. С. 41.

¹⁹ Сихво Х. От «Старой Финляндии» к Карелии периода финляндской автономии. В: Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск: Барс; 1998. С. 173.

²⁰ Nakka-Korhonen M. Halpa hinta, pitkä mitta. *Vienankarjalainen laukkukauppa*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura; 1988. S. 152–154.

²¹ КА. ККК. Fb 788/7-13.

²² Бубновский М.И. Контур Архангельской губернии. Архангельск: Губерн. тип.; 1914. С. 30; Ahova P. *Vienan Karjala*. В: *Karjalan kirja*. S. 427–428.

²³ Коробейники в Великом княжестве Финляндском. *Финляндская газета*. 1900;(46):2.

Торговля в приграничье велась бесперебойно, даже в военный период существовала практика приграничных перемирий. За время существования промысла между приграничным населением установились прочные контакты. Торговые маршруты беломорских коробейников простирались от границ шведской Лапландии до самых южных районов Финляндии, территория края была поделена на своего рода торговые округа. У каждой карельской деревни была своя собственная торговая территория и свой маршрут. Как правило, на ночлег коробейники останавливались в одних и тех же домах, которые были поделены между ними подобно существовавшему делению на торговые округа.

Ухудшение условий разносной торговли оказалось связано с введением в действие закона 1859 г. (получившего подтверждение указом 1868 г.), предоставлявшего право финляндским подданным на открытие сельских магазинов в Финляндии. Однако стационарная торговая сеть росла довольно медленно. Финляндские торговцы – хозяева магазинов и лавочек, с одной стороны, поддерживали связи с карельскими торговцами, приобретая у них товары, чтобы способствовать расширению ассортимента своих магазинов [10]. С другой стороны, к рубежу столетий, в связи с накалившейся в крае обстановкой, карельских коробейников они стали рассматривать как своих конкурентов, ведь качество предлагаемых ими товаров не уступало, ассортимент был более разнообразным, а главное – товар доставлялся прямо на дом. Новый указ о промыслах, вступивший в силу 31 марта 1879 г., разрешал ведение разносной торговли на основании открытого паспорта, полученного в губернской канцелярии и ежегодно возобновляемого. Иностранцам необходимо было сделать запрос на имя губернатора, приложив к нему удостоверение о хорошем имени просящего и платежное поручительство об уплате казенных повинностей²⁴. При этом следует иметь в виду, что карельские крестьяне зачастую уходили на промысел, не имея необходимых на то документов. Это объяснялось как невозможностью их получения (в ряде случаев проще было пересечь условную границу, чем добраться до административного центра), так и установившимися добрососедскими отношениями с местным финским населением, которое не требовало подтверждения законодательных основ ведения промысла.

Подданные Российской империи считались в Финляндии иностранцами, тогда как финляндцы в пределах империи обладали равными с российскими подданными правами. Для владения сельской лавочкой или магазином и ведения оптовой или разносной торговли, обязательным условием для карельских коробейников являлось приобретение финского гражданства²⁵. В силу незаконности промысла коробейники всегда подвергались строгому надзору со стороны финских властей. Следить за тем, чтобы незаконная торговля не производилась в приходах, поручалось ленсманам, в городах – фискалам. Ленсманы, имевшие, вероятно, незначительные доходы от своей профессиональной деятельности, всегда были рады возможности получить дополнительные средства, задержав на своей территории торговца-разносчика. В качестве вознаграждения этим лицам полагалась третья часть суммы, вырученной от продажи с аукционного торга конфискованного товара. Очевидно, именно этим обстоятельством объясняется такое рвение местных чиновников к преследованию карельских крестьян.

Архивные документы свидетельствуют о неприязненном отношении местных властей к русским торговцам. В июне 1875 г. крестьяне Кемского уезда д. Большое озеро Иван и Касьян Карвариндины и еще несколько русских крестьян остановились на ночлег в одной из деревень Або-Бьёрнеборгской губернии. Явившийся в дом ленсман Оскар Фустет со своим подчиненным по фамилии Вестмерг стал требовать

²⁴ Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского за 1879 г. № 12. Гельсингфорс; 1879–1880.

²⁵ Суворов П. К вопросу о равноправии. Положение русских в Финляндии и финляндцев в империи. СПб.: Типография А.С. Суворина; 1907. С. 24.

у крестьян товар. Крестьяне, «слышавшие о неограниченной и бесконтрольной власти, предоставленной всем ленсманам», попытались уйти, однако Вестмерг применил огнестрельное оружие, в результате чего Иван был серьезно ранен. Касьян Карвариндин пять недель провел под стражей в г. Або. Суд неоднократно рассматривал это дело, в результате чего постановил: Фустета признать правым, а крестьян Кавариндиных не считать виновными²⁶. Даже нанесение увечий не было предъявлено ленсману. Отметим, что право употребления огнестрельного оружия в случае преследования контрабандистов ленсмены получили лишь по закону 22 декабря 1897 г.²⁷

Единственный случай признания судом ленсмана виновным, который удалось обнаружить в архивных документах, произошел в 1876 г. Пятью годами ранее крестьянин Архангельской губернии Кемского уезда д. Кимас-озеро Тимофей Семенов Ананьин с двумя своими товарищами остановился на ночлег в Выборгской губернии, в д. Тоткиниemi в доме Мухоне. В первом часу ночи в дом вломился ленсман Линдхольм и стал насильно отнимать у крестьян вещи. Получив сопротивление, ленсман воспользовался огнестрельным оружием не по прямому назначению: он с такой силой пробил Ананьину голову рукояткой револьвера, что Тимофей «пролежал без чувств 5 часов». Крестьяне подали жалобу в финский суд, дело затянулось на 5 лет, рассматривалось 9 раз, в результате ленсман Линдхольм получил штраф в 80 финских марок (примерно 20 русских рублей серебром). Хотя наказание было слишком незначительным и Ананьин имел право обжаловать решение суда, он «отступился, потому что прошло бы еще несколько лет, а результат был бы сомнительным»²⁸. Как правило, рассмотрение дел в судах затягивалось на несколько лет и оканчивалось в пользу ленсманов. Даже если товар возвращался русским торговцам, последние несли значительные убытки, поскольку товар был испорчен или терял цену из-за того, что стал неактуальным²⁹. Отметим, основываясь на данных архивов, что карельские торговцы действительно в большинстве случаев не имели при себе необходимых на ведение торговой деятельности документов или предъявляли паспорта и разрешения с истекшим сроком действия. Это обстоятельство в полной мере способствовало формированию резко негативного отношения ленсманов к ним и являлось правомерным основанием к конфискации товара.

В отношении торговцев применялись различные меры, направленные на ограничение их деятельности в пределах Финляндии. Одним из способов борьбы стали приговоры приходов о вынесении штрафов в размере 20 финских марок тем крестьянам, кто примет в своем доме торговца на ночлег, предоставит ему пищу или приобретет у него товары. В 1870 г. в приходе Руовеси Тавастгусской губернии приговор был приведен в исполнение. Крестьянин Габриель Токонен был оштрафован на 60 марок, а арендатор Иоган Паккель на 20 марок³⁰.

Отношение к коробейникам и вообще ко всем русским, занимавшимся в Финляндии каким-либо промыслом, в особенности изменилось после обнародования Февральского манифеста 1899 г. В них стали усматривать тайных шпионов, пропагандистов, распространяющих среди местного населения слухи о переделе земли, а также о насильственном обращении лютеран в православие.

В 1899 г. общественный сход прихода Руовеси постановил: для поддержания в обществе порядка накладывать штраф в размере 40 марок на лица, которые будут «покровительствовать шляющимся торговцам-крестьянам из Архангельской и Олонецкой губернии Российской империи». В подкрепление этому решению была

²⁶ КА. КKK. Fa 1411/59. S. 3–4.

²⁷ ГААО. Ф. 58. Оп. 3. Д. 61. Л. 29.

²⁸ КА. КKK. 1411/59. S. 5.

²⁹ КА. КKK. Fa 1411/59. S. 12.

³⁰ КА. КKK. Fa 1411/59. S. 7.

издана брошюра тиражом в 3 000 экземпляров под названием «Правила общины Руовеси к поддержанию порядка и спокойствия»³¹. Генерал-губернатор Н. И. Бобриков направил в Императорский финляндский сенат прошение об изъятии из обращения и уничтожении «этой вредной для общественного спокойствия и вселяющей опасную рознь между членами единой, общей всероссийской семьи брошюры». Однако Сенат не нашел в ней такого вредного действия: «в приговоре Руовесиской общины не упоминаются и не имеются в виду в особенности русские коробейники, а вообще лица, распространяющие в народе слухи о социальных переворотах, разделе земли и прочее»³². Торпарям за нарушение установленных правил грозило лишение земли. Опасаясь возможных последствий, они боялись даже разговаривать с торговцами³³.

В 1899 г. аналогичная Руовесиской брошюра под названием «Слухи о дележе земли и их распространители» была издана в Йоэнсуу. В ней содержались советы соотечественникам смотреть на торговцев «как на заразу <...> как на врагов нашей родины»³⁴. Аналогичным образом характеризовали коробейников и полицейские власти края, утверждая, что «русский народ для нас хуже чертей <...>, а также все правительство и сама Россия для нас самые вредные враги»³⁵.

Выборгский губернатор 8 апреля 1899 г. обратился к председателям общинных собраний губерний с предписанием постановить приговоры для обеспечения «нравственности, общественного порядка и безопасности»³⁶. Штрафы предусматривались и для тех лиц, кто не информировал и не привлекал к ответственности членов прихода, владевших информацией об имевших место нарушениях [13].

Неприязненное отношение к карельским коробейникам со стороны финляндцев было связано прежде всего со слухами о разделе крупных земельных владений между всеми нуждающимися по принципу русской общины «мира». Торговцы обвинялись в том, что собирали подписи под подобными бумагами, обращаясь преимущественно к детям и мало смыслящим лицам, и употребляли для этой цели «ласки, подарки и даже угрозы». В том же году на запрос финляндского генерал-губернатора о подобных случаях в губерниях Княжества губернаторы Выборга и Улеборга сообщили о Иване Кирилове и Игнатии Карпове, которые распространяли такие слухи. Поскольку это не нарушило общественного порядка, этих людей (у них не было документов на торговую деятельность) просто отправили на родину³⁷.

Зачастую подобные слухи распространяли сами жители Финляндии. Почти треть населения составляли безземельные крестьяне, мечты которых подпитывались слухами о переделе земли. Например, в январе 1900 г. в д. Кильваккала прихода Икалис Або-Бьёрнеборгской губернии собралось около 150 торпарей и безземельных крестьян. Сбор был связан с приездом агронома Лайхо, главной целью которого было разъяснение способов улучшения земледелия и скотоводства. Постепенно он перешел на политическую почву, указав, что «финляндцы утратили свою свободу и сделались русскими рабами, что теперь, с введением русских законов, тех, кто не в состоянии будет внести налоги, будут бить до полусмерти»³⁸. В подкрепление своих слов Лайхо распространял среди крестьян брошюру «Раздел земли в России», в которой говорилось: «...бродяги-коробейники... подкуплены для того, чтобы возбудить вражду среди финнов... советуем всем нашим соотечественникам смотреть на этих лиц как на заразу и закрыть им двери навсегда <...> этот бродячий народ старается истребить самостоятельность Финляндии...»³⁹.

³¹ КА. ККК. Fb 8/70. I osasto.

³² КА. ККК. Fb 8/70. I osasto.

³³ КА. ККК. Fb 1/12, Fb 87/32.

³⁴ КА. ККК. Fb 42/86.

³⁵ КА. ККК. Fb 87/31.

³⁶ Коробейники в Великом княжестве Финляндском. *Финляндская газета*. 1900;(46):2.

³⁷ КА. ККК. Fa 1791/IV^b.

³⁸ КА. ККК. Fb 2/92.

³⁹ КА. ККК. Fb 42/86.

По указу 2 июля 1900 г. российские и финские крестьяне были уравнены в правах ведения торговли, однако указы 1859 и 1868 гг., запрещавшие осуществление торговых операций карельским коробейникам как не являвшимся подданными Финляндии, отменены не были. Отсутствие четко сформулированного правового статуса карельских коробейников обуславливало двойственное к ним отношение со стороны властей и сельского населения Финляндии. Ярким защитником карелов-коробейников на протяжении всего периода своего генерал-губернаторства (1898–1904 гг.) выступал Н. И. Бобриков. Негативное отношение к русским торговцам, по его мнению, «могло вызвать крайне нежелательную национальную вражду двух народностей, одинаково стоящих под скипетром всероссийских монархов». Бобриков, обращаясь в Финляндский Сенат, указывал на ошибочность взглядов местных чиновников в отношении русских торговцев как на иностранных подданных. Великое княжество, не обладая правами государства, не могло иметь и собственных подданных. Источник недоразумения крылся в формулировке «не финляндский гражданин» Постановления 1879 г., которое, по мнению Бобрикова, следовало устранить изданием нового закона, призванного определить правовой статус торговцев в разнос⁴⁰. Также указом 14 июня 1839 г. была закреплена право ведения торговли крестьянами русских губерний в Финляндии на основании паспорта наравне с финляндскими сельскими обывателями. При этом финляндские уроженцы в Империи «беспрепятственно и без особых формальностей» владели всеми правами российских подданных⁴¹.

Все финляндские губернаторы 8 августа 1900 года получили распоряжение, предписывающее, что русские торговцы могут заниматься в Финляндии торговлей в разнос и промыслами на одинаковых с финляндскими гражданами основаниях. Губернаторы были обязаны выдавать русским крестьянам разрешения на торговлю на тех же основаниях, на которых это разрешение выдается ими финляндским гражданам или местным сельским обывателям⁴². Однако власти по отношению к коробейникам зачастую руководствовались «не общими требованиями закона, а личными взглядами». Карельские торговцы прибывали в Финляндию с паспортами, полученными в волостных правлениях, свидетельствами о благонадежности и иногда промысловыми свидетельствами, местные власти требовали от них паспорта, выданные губернаторами; или отметку в графе «род занятий» – не «чернорабочий», как значилось у большинства, а «торговец»; или особое свидетельство русского губернатора на право торговли⁴³. В Тавастгусской губернии от коробейников, помимо всех прочих документов, требовалось исповедное свидетельство от священника. Куопиоское губернское правление запрашивало медицинские свидетельства местных врачей, несмотря на то, что «таковые свидетельства законом не установлены, требуют лишних расходов, а местные врачи, следуя усиленной пропаганде о притеснении русских, отказывают в выдаче свидетельств»⁴⁴.

Одним из способов притеснения карельских коробейников была практика размещения специальных табличек, воспрепятствовавших торговцам вход во двор. Например, в местности Мербю (11 км от г. Экенеса) землевладелец Яльмар Сонг к своему дому и всем торпам, расположенным на его земле, прибил железные доски с надписями, запрещающими вход русским разносчикам и татарам («*Tilltrade förbjndes kontryssar ock tatarer*») под страхом изгнания с торп, если «кто

⁴⁰ КА. ККК. Fa 1791.

⁴¹ КА. ККК. Fa 1791; ККК. Fa 1798/15V. S.17–22.

⁴² КА. ККК. Hd 8.

⁴³ Там же.

⁴⁴ КА. ККК. Fb 2/83 (1900). S. 1–2, 19.

примет у себя русского»⁴⁵. В местечке Хорбек торпарь сообщил жандарму Попову, что «у них таких вывесок нет, а объяснено на словах». Хозяева ругали торпаря, угрожая штрафом, за то, что он пустил жандарма в дом: «Шпионов-жандармов нужно гнать в шею от крыльца, а не пускать в избу»⁴⁶. Возможно, это было связано с налаженными контактами с карельскими торговцами, которые не единожды находили в этом доме пристанище.

Использование русского языка также преследовалось местными властями. В Экенесе (провинция Уусима, Южная Финляндия) домовладелец Бустрем, поместивший на своем доме дощечку с названием улицы на шведском, финском и русском языках, был вынужден изъять русскую надпись. Тем не менее по этой причине казначей местного банка отказал Бустрему в выдаче ссуды под солидное поручительство⁴⁷. Бойкот русским товарам пропагандировался и на страницах газет. Звучали призывы русские товары заменить «столь же доброкачественным и дешевым отечественным товаром (в крайнем случае, западно-европейским)»⁴⁸.

Финляндские власти усматривали в карельских корабейниках шпионов и ставленников российской власти, основываясь на том, что торговцы подали прошения о паспортах сразу вслед за изданием закона, уравнившего права торговцев в Княжестве⁴⁹. Наиболее вероятным, по мнению автора одной из шведских газет, было получение ими сведений из первых рук. По предположению автора статьи, торговцы были разделены на группы во главе со старшим, который имел связь со всеми членами группы и таким образом передавал необходимые приказы и инструкции. Опасения были связаны с тем, что со временем русские торговцы, переселившись на постоянное место жительства в финские общины, потребуют основания здесь школ для своих детей с преподаванием на русском языке, а также устроят русскую церковь с православным священником, поэтому «их без жалости следует прогонять от каждой двери, куда они будут стучаться»⁵⁰.

Финляндская газета утверждала, что в основе преследования карельских корабейников лежали причины исключительно политические⁵¹. Финляндским политикам торговцы были неудобны потому, что приносили в среду финского крестьянства «доброе слово о России» в противовес агитаторам, пытающимся представить Россию «страной азиатской, невежественной, утопающей в пьянстве и безделье»⁵². Гонение на бродячих торговцев затеяно было из желания «отделаться от единственных русских свидетелей предосудительной своей деятельности» среди населения в самых глухих уголках Финляндии⁵³. Ленсманы, преследуя русских торговцев, обирали их с ног до головы, без суда заключали в тюрьмы и держали там несколько недель на хлебе и воде, избивали и отсылали под присмотром земской полиции до «Ребольских лесов», граничащих с Финляндией⁵⁴.

Сельские жители в основном относились к торговцам доброжелательно, даже под угрозой штрафа предоставляли им пищу и ночлег, приобретали необходимые

⁴⁵ КА. ККК. Фб 46/171.

⁴⁶ КА. ККК. Фб 46/171.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Проект бойкота русских товаров. *Финляндская газета*. 1910. 8/22 января. С. 1–2.

⁴⁹ Процент грамотных в Архангельской губернии по данным переписи 1897 г. составляла среди мужчин 36,3 %.

⁵⁰ Финляндия. Обзор периодической печати: сб. статей. СПб.: Государственная типография; 1900. С. 56–57; Шведская газета о русских корабейниках. *Финляндская газета*. 1900;(115):2.

⁵¹ Финляндская газета – русскоязычная газета, издававшаяся в течение 1900–1917 гг. в Гельсингфорсе, официальный печатный орган русского правительства на территории Великого княжества Финляндского, способствовавший пропаганде идеи о сближении финского и русского народов.

⁵² Письма в редакцию. *Финляндская газета*. 1900;(123):3.

⁵³ Бородкин М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н. И. Бобрикова. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг; 1905. С. 110–111.

⁵⁴ КА. ККК. Фа 1205/38.

товары. Поскольку коробейники владели языком края, то между ними и населением установилось «дружеское и интимное отношение», коробейники находили убежище для себя, склад для своих товаров и укрытие от полицейских властей⁵⁵. Карельские крестьяне, обращаясь с прошением к финляндскому генерал-губернатору выдать им свидетельства на право ведения торговли, сообщали, что «низший класс финского населения не питает к ним никакой злобы <...> и относится как к своим соотечественникам»⁵⁶. Крестьяне Денисов и Ремшуев, находясь по торговым делам в Вазаской губернии, свидетельствовали, что квартировались у одного и того же крестьянина несколько раз, принимавшего их «по доброте», невзирая на воспрещение местного полицейского констебля, сделанное хозяину дома⁵⁷.

Как правило, финны не брали с карельских торговцев плату за ночлег, баня также предоставлялась бесплатно. В избе они спали как домашние – на полу или кровати, вместе с семьей ели, сидя за одним столом. Плату брали за предоставленную еду, если торговец задерживался на несколько дней. Цена чашки кофе составляла от 5 пенни до 1,5 марок, еда – от 10 до 30 пенни [2]. Тогда в сельских условиях не использовались стаканы для питья, столовые ножи и вилки. Пили из одной кружки и закусывали картошкой на острие ножа. Торговец предпочитал оплатить услуги хозяев товарами, а не деньгами, для него это было дешевле. Уезжая, коробейник расплачивался шарфом, фартуком, подтяжками, мотком ниток, пуговицами, спицами для вязания, булавками, заколками для волос, иногда тканью, необходимой для пошива юбки.

Сельская местность была хорошей информационной сетью, поэтому ленсману сложно было застать карельского торговца врасплох. Народ был готов быстро спрятать рюкзак под мостом, полом, в сарае для сена⁵⁸.

Финляндская газета отмечала, что финское население относится к русским коробейникам «очень симпатично», поскольку предлагаемые торговцами товары (ситец, миткаль и др.) отличались добротностью и были относительно недорогими в сравнении с местной или заграничной продукцией. Немалое удобство в крестьянском быту имела возможность приобретения товаров в рассрочку⁵⁹ [9].

Заключение

Отношение представителей финляндского общества к карельским коробейникам в изучаемый период времени было двояким. С одной стороны, местные власти, стремясь выполнять установленные законы в крае, пытались препятствовать ведению незаконной торговли в подведомственных им приходах, используя различные механизмы: штрафы, конфискацию товара, судебные преследования. Ситуация обострилась в связи с изданием Февральского манифеста 1899 г., направленного на ограничение автономии Княжества, когда в бродячих торговцах стали усматривать шпионов, доносчиков, ставленников русской власти. На страницах газет велась активная пропаганда противодействия карельским коробейникам. В широких масштабах местная пресса призывала финское население бойкотировать карельских торговцев. Материалы с призывами не оказывать им сочувствия, не предоставлять пищи, не вступать в торговые сделки размещались в прессе под одним и тем же заголовком – «*Mullvadsarbete*» («Кротовая работа»). С другой стороны, с простым сельским населением у карельских торговцев сложились дружественные отношения, были налажены устойчивые контакты. Несмотря на все существующие запреты и угрозу штрафа, финское

⁵⁵ КА. ККК. Fa 1791/IVb.

⁵⁶ КА. ККК. Fb 305/23

⁵⁷ КА. ККК. Fb 47/215.

⁵⁸ Naakka-Korhonen M. Op. cit. S. 218–219.

⁵⁹ Шведская газета о русских коробейниках. *Финляндская газета*. 1900;(115):2.

население предоставляло торговцам ночлег, пищу и приобретало у них товары. Такой вид торговли был наиболее удобен: товары доставлялись прямо на дом, не требовалось ехать в город за несколько десятков верст. Немаловажным было и то обстоятельство, что торговля имела меновой характер, а в случае установившихся доверительных отношений карельские коробейники зачастую отпускали товары в кредит.

Для большинства карельских крестьян коробейничество служило крепким подспорьем в деле обеспечения семей пропитанием и возможностью уплаты податей. С течением времени в среде беломорских карелов выделились такие удачливые торговцы, капиталы которых позволяли им открывать собственные лавки и магазинчики на территории Финляндии.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что отношение к карельским коробейникам со стороны представителей финляндского общества (властей и сельского населения) было неоднозначным. Трансформация была связана с общей политической ситуацией, сложившейся на рубеже XIX–XX столетий, стремлением Российской империи ограничить автономию Великого княжества Финляндского. Для местных властей карельские коробейники выступали контрабандистами, незаконно пересекающими границу и нарушавшими торговое законодательство Княжества. Для простого сельского населения коробейники являлись «собратьями», веками ведущими торговлю в приграничье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кораблев Н.А. Приграничная торговля крестьян Карелии во второй половине XIX в. В: Россия и страны Северной Европы: из истории приграничных отношений в XVI–XX вв.: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск; 2003. С. 24–31.
2. Nevalainen P. Kulkukauppiaista kauppaneuvoksiin. Itäkarjalaisten liiketoimintaa Suomessa. Helsinki: Riika; 2016. 294 s.
3. Ahlbeck J., Östman A.-C., Stark E. Encounters and Practices of Petty Trade in Northern Europe, 1820–1960: Forgotten Livelihoods. Springer; 2022. 353 p.
4. Kauhanen J. Säräisniemen Kukkolan kylällä on yllättäviä Karjala-yhteyksiä. *Karjalan heimo*. 2021;(7–8):126–128.
5. Martikainen U. Laukkukauppa loi yhteyksiä autonomian aikana. *Karjalan heimo*. 2021;(3–4):54–55.
6. Ranta R. Sofronoffin suvusta tuli kauppiaita Satakuntaan. *Karjalan heimo*. 2007;(7–8):95–96.
7. Kauhanen J. Kemiön saari laukkukauppiaiden suosiossa. *Karjalan heimo*. 2006;(3–4):38–41.
8. Vaara P. Uhtuan Andronoffit Viena-kirjallisuudessa. *Karjalan heimo*. 2004;(5–6):76–82.
9. Баданов В.Г., Кораблев Н.А., Жуков А.Ю. История экономики Карелии. Кн. 1. Экономика Карелии со времени вхождения края в состав единого Русского государства до Февральской революции. Конец XV – начало XX веков. Петрозаводск: ПетроПресс; 2005. 190 с.
10. Sundelin A. Settling Down and Setting Up: Itinerant Peddlers from Russian Karelia as Shopkeepers in Late Nineteenth- and Early Twentieth-Century Finland. In: Ahlbeck J., Östman A.-C., Stark E. Encounters and Practices of Petty Trade in Northern Europe, 1820–1960: Forgotten Livelihoods; 2022. P. 297–319.
11. Huldén N. Gifts, Feasts, and the Surplus of Friendship: Practices in a Remembered Economy of Petty Trading. In: Ahlbeck J., Östman A.-C., Stark E. Encounters and Practices of Petty Trade in Northern Europe, 1820–1960: Forgotten Livelihoods; 2022. P. 119–146.
12. Heinänen H. Kainuun laukkukauppa autonomian ajan lopulla. In: Rihma – aineksia. Kajaani: Oulun yliopistopaino; 1999. S. 173–186.
13. Naakka-Korhonen M. Halpa hinta, pitkä mitta. Vienankarjalainen laukkukauppa. Helsinki: SKS; 1988. 294 s.

REFERENCES

1. Korablev N.A. [Cross-Border Trade of Karelian Peasants in the Second Half of the 19th Century. In: Russia and the Countries of Northern Europe: From the History of Cross-Border Relations in the XVI–XX Centuries: Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Petrozavodsk; 2003. P. 24–31. (In Russ.)

2. Nevalainen P. Kulkukauppiaista kauppaneuvoksiin. Itäkarjalaisten liiketoimintaa Suomessa. Helsinki: Riika; 2016. 294 s. (In Finn.)
3. Ahlbeck J., Östman A.-C., Stark E. Encounters and Practices of Petty Trade in Northern Europe, 1820–1960: Forgotten Livelihoods. Springer; 2022. 353 p.
4. Kauhanen J. Säräisniemen Kukkolan kylällä on yllättäviä Karjala-yhteyksiä. *Karjalan heimo*. 2021;(7–8):126–128. (In Finn.)
5. Martikainen U. Laukkukauppa loi yhteyksiä autonomian aikana. *Karjalan heimo*. 2021;(3–4):54–55. (In Finn.)
6. Ranta R. Sofronoffin сувуста tuli kauppiaita Satakuntaan. *Karjalan heimo*. 2007;(7–8):95–96. (In Finn.)
7. Kauhanen J. Kemiön saari laukkukauppiaiden suosiossa. *Karjalan heimo*. 2006;(3–4):38–41. (In Finn.)
8. Vaara P. Uhtuan Andronoffit Viena-kirjallisuudessa. *Karjalan heimo*. 2004;(5–6):76–82. (In Finn.)
9. Badanov V.G., Korablev N.A., Zhukov A.Yu. [History of the Economy of Karelia. Book 1. The Economy of Karelia from the Time when the Region Became Part of the United Russian State to the February Revolution. Late XV – Early XX Centuries]. Petrozavodsk; 2005. 190 p. (In Russ.)
10. Sundelin A. Settling Down and Setting Up: Itinerant Peddlers from Russian Karelia as Shopkeepers in Late Nineteenth- and Early Twentieth-Century Finland. In: Ahlbeck J., Östman A.-C., Stark E. Encounters and Practices of Petty Trade in Northern Europe, 1820–1960: Forgotten Livelihoods; 2022. P. 297–319.
11. Huldén N. Gifts, Feasts, and the Surplus of Friendship: Practices in a Remembered Economy of Petty Trading. In: Ahlbeck J., Östman A.-C., Stark E. Encounters and Practices of Petty Trade in Northern Europe, 1820–1960: Forgotten Livelihoods; 2022. P. 119–146.
12. Heinänen H. Kainuun laukkukauppaa autonomian ajan lopulla. In: Rihma – aineksia. Kajaani: Oulun yliopistopaino; 1999. S. 173–186. (In Finn.)
13. Naakka-Korhonen M. Halpa hinta, pitkä mitta. Vienankarjalainen laukkukauppa. Helsinki: SKS; 1988. 294 s. (In Finn.)

Информация об авторе:

Нестерова Ирина Сергеевна, старший преподаватель кафедры зарубежной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, 33), ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7138-691X>, ines@petsru.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 15.05.2025; одобрена после рецензирования 12.11.2025; принята к публикации 14.11.2025.

Information about the author:

Irina S. Nesterova, Senior Lecturer at the Department of Foreign History, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University (33 Lenin Prospekt, Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7138-691X>, ines@petsru.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 15.05.2026; revised 12.11.2025; accepted 14.11.2025.